

Мария ПЛОТНИКОВА
г. Санкт-Петербург

ОБРАЗ КАРЕЛИИ В ДНЕВНИКАХ В. И. ПЛОТНИКОВА (1925-1978)

**ВИКТОР
ПЛОТНИКОВ:
ЖИВОПИСЬ,
ГРАФИКА,
ДНЕВНИКИ.**

20.09.
/
23.11.
2025

АРТ ПРОСПЕКТ

СП-40 8000-18 000
47 4200-20 000
ИН-47 ВЕНДОНОВ

Осенью 2025 года Музей изобразительных искусств Республики Карелия организовал выставку произведений Виктора Иннокентьевича Плотникова (1925—1978) в выставочном зале «Арт-проспект» к 100-летию со дня рождения доктора искусствоведения, профессора Института имени И.Е. Репина. Его кандидатская диссертация (1962) была посвящена искусству Карелии. Искусствовед имел также художественное образование. Будучи аспирантом, он участвовал в этнографических экспедициях 1950-х годов сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Он делал планы домов и деревень, зарисовывал архитектурные детали, писал акварельные этюды, вел дневники. Всё это, в сочетании с архивными изысканиями, послужило основой исторической части диссертации Плотникова о карельском искусстве, внесло определенный вклад в изучение памятников материальной культуры Карелии. Экспедиционные отчеты В. И. Плотникова хранятся в архиве Академии наук в Петрозаводске, а в семейном архиве сохранились его личные дневни-

ки 1955—1957 годов. В них отразились путевые впечатления, лирическое описание пейзажа и художественное осмысление виденного. Энтузиазм молодого ученого сочетался с большой требовательностью к себе и коллегам. Исследования местности не всегда проводились группой: «едем кто куда». Труднодоступные места без регулярного транспортного сообщения, тряска на попутках, порой — многокилометровый пеший переход по скользкой гати в заболоченных низинах, ночная лодочная переправа наудачу и ночлег «по обстоятельствам», притом скудные материальные возможности — все это требовало большого подвижничества.

Изучение своеобразия национального фольклора, его отражение в изобразительном искусстве послужило основой академического курса В. И. Плотникова «Изобразительное искусство народов СССР» в Институте имени И.Е. Репина и темой его докторской диссертации. Уважение к самобытной культуре разных народов и научная требовательность — эти черты определили высокий авторитет искусствоведа среди коллег и учеников. Опыт изучения разных национальных художественных школ позволил исследователю проследить закономерность обращения к фольклору как духовному источнику самосознания народа. Именно живая связь с разными регионами большой страны, постоянные контакты с выпускниками Академии художеств, подчас первыми диссертантами в союзных и автономных республиках, помогли сделать его лекции интересными и увлекательными для студентов, что отмечали многие его ученики. Для обновления данных В. И. Плотников отправился в научную командировку в Закавказье. Его жизнь оборвалась в автокатастрофе 9 ноября 1978 года... А начало этой научной деятельности было связано с Карелией.

В 1954 году В. И. Плотников с отличием окончил институт имени И. Е. Репина. В аспирантуру он поступил (1955) с неожиданной для него, заранее определенной из Москвы специализацией: «Искусство Карелии». Первая запись об этом появилась в дневнике в период подготовки к экзаменам в аспирантуру: «23 февраля 1955. Сегодня был у научного руководителя¹ по пово-

ду индивидуального плана. Работа предстоит сложная, даже сложнейшая: искусство Карело-Финской республики. Надо справиться. Начать изучать край с истории, географии, этнографии. Попутно — художественную литературу. Выписать библиографию из БСЭ² и словарей и иностранную литературу по немецким энциклопедиям. Изучать эпос и фольклор. Эта-то сложность и интересует».

Предлагаю вниманию читателей некоторые отрывки из дневников отца, характеризующие творческое восприятие увиденного, обстановку карельских экспедиций, образ мыслей художника, не успевшего осуществить все задуманное. Свой принцип живописи на пленэре он записал в дневнике (1951): «Увидеть обычное и понять его. Сохранить первое впечатление... Помнить лишь о правде виденного... Забыть о приёмах, которые усвоил, глядя на мастеров живописи. Лучшее подсознательно останется. Правда, только правда, без расчета удивить».

М. В. Плотникова

14 АВГУСТА 1955

Переход: Село Подужемье — село Маслозеро (40 км) с 11 час.

Красивая всё-таки Карелия! То тощие низкие леса с корявыми соснами и низкими, но широкими березами. На низинах — с бесконечными гатями из «летника» — кругляка, до того надоёдливого, катящегося под ногами. То, на возвышенностях, — высокие, до неба, свечки елей, с высокими голыми соснами, которые, кажется, обнажились до головы, только шапку не сняли. И больше всего — белых хлыстов берез с какой-то струящейся на ветру листвой. И это на чистом ярком голубце неба с плывущими белыми облаками. Так это декоративно и свежо! Нежно и красиво. Жаль, что эту красоту нельзя нарисовать. Короткий привал, и снова вперед.

[На полях:] NB!³ Это попробовать по памяти сделать!

А между прочим, красоту видишь только на привалах, а в остальном — нудно считаешь под ногами кругляк. Сказывается, В. И.⁴, малая практика ходьбы.

Наконец, мы дошли — 10:15 вечера.

Солнце село, отразившись догорающим пламенем в тихой воде озера. Тишина. Вернее, тишина, сокращающая расстояние. Только всплещи рыбы. Да песня где-то, кажется, рядом, — девчат, идущих к деревне по тому, неясному [противоположному] берегу. Костер быстро разгорелся, но с того берега, где должна быть деревня, слышен лай собаки.

14 июля 1955. В автобусе от Лоухи до Кестеньги.

Около Кестеньги интересные особенные места, вероятно, характерные для Севера Карелии. Горизонт — чуть волнистые дали [они] не развёртываются, как на Северном Урале, беспредельно. Первый, второй, третий планы близки друг к другу. Поэтому, кажется, если рисовать, то не надо выбирать особенно высокую точку, чтобы у подножья всё располагалось <...> Колорит местности в целом построен на зеленых оттенках, в зеленом мохнатом ворсе ковра. Светлой зеленью смотрятся лиственные, преимущественно березовый кустарник. Копьевидные высокие, с редкой, защитного цвета хвоей, ели. Иногда такие же стройные березы с листвой в верхней части. Сосна — однобокая, с широкой метелкой, преобладает всюду. Интересны засохшие ели с серо-сиреневыми ветками и стволами. Лес не вдалеке от памятника — грустное напоминание о прошедшей войне. Кажется, кто-то наставил среди леса сухих деревьев с обломанными верхушками и необрубленными ветвями. Деревья — как столбы с необрубленными сучьями.

* * *

У елей в густом лесу, на сиренево-сизых (и) серо-зеленых сухих ветвях (внизу и у ствола) — космы русых седеющих волос — масса коричневых тонких, как волос, веточек — усиков. Три раза цвела вода, а купаться еще нельзя. (Поверье: купаться можно только после того, как 3 раза зацветет вода.)

30 ИЮЛЯ. КЕРЕТЬ

На этюд надо идти без предвзятых, ранее составленных воображенных пейзажей (в цвете, в

построении, которые собираешься писать). Ибо не найдешь этого и не напишешь. Надо идти с желанием написать красивое, то, что произведет неожиданное сильное впечатление, поразит.

Этюд — это ведь похищенная у природы, человека тайна, которую [оба они] и та, и другой скрывают. Этюд, вообще, как накопление художественных тайн, должен быть случайным, сильным, выхваченным неуловимым мгновением.

Этюд для чего-нибудь (картина с него) в большей мере субъективен, ибо отыскиваешь то, что желаешь видеть, иногда — лишь приблизительно подходящую модель, и потом насыщаешь своим воображением.

И то и другое — закономерно и правдиво. Нужно и то и другое отношение, тот и другой вид этюда развивать.

1 АВГУСТА

В солнечный день тональный контраст между елями и лиственными очень мал (по сравнению с серым днем). Вероятно, за счет того, что сильные тени — и у елей, и у берез — дробят цельную форму. Или (может быть также) за счет того, что солнечный свет съедает густоту теплой окраски елей, сосен.

* * *

Окраска ягеля — сухого (в августе, конце июля). Блёкло-(желтовато-розовато) салатный. Он хрустит, как толченый сухарь, под ногами.

* * *

На катере «4» из Керети в Чулу. Облизанные морем скалистые берега с тонкими березками, перебирающими на ветру свои листья.

(Я, кажется, перегружаю сравнениями, усложняю язык.)

19 АВГУСТА

Дорога от Рокково до Подужемья — такая же и, частично, та же, по которой мы шли в Маслозеро. Август в Карелии стоит хороший — теплый и солнечный. Жара. Припекает. Пот падает в глаза. После утренней прохлады идти

становится труднее. Но, как всегда, близость цели (окончание) подстёгивает <...> Жара летняя — душная, с мерцающим в мареве горизонтом. Но тем необычнее желтый лист, встречающийся на рано состарившихся в этом году низких березках, — вероятно, первый признак (для меня) приближающейся осени в Карелии — необузданной франтихе в пестром ситцевом платье. Желтый лист, но еще незрелая черника и совсем не видать брусники. Тоже необычно.

21 ИЮНЯ 1956

На воде, как туча какая-то, — мошек, мотыльков, плывет пух отцветающей ольхи и переливается чешуя золотой рыбки в отблесках вечернего солнца. Бросишь весла и слушаешь тишину. Сначала торопливо капает вода с весел. Но вот слышна далекая кукушка. Нарастает комариный писк. Потянуло ветерком, и принесло звуки гармошки, далекие-далекие, как детство <...> Возвращался поздно. Поднималась в нежных сиренево-зеленоватых сумерках большая розовая луна. С болот на озеро потянулись седые космы тумана. Черные силуэты смоляных лодок, вытщенных на берег. Рыбак, стоящий на корме. Чисто живописные мотивы.

11 ИЮЛЯ 1956 г.

У меня какое-то всегда возбуждение, когда уезжаешь на другое место <...>

Я уже строю предположения, как и что увидишь и найдешь. Рисую в воображении оригинальные лица, необычные произведения народной архитектуры и звучные пятна древних икон (звучные — это расчищенные).

И каждый раз, находя и видя, я теряюсь: новое лицо или явление представляются много проще, чем предполагаешь. Вероятно, это потому, что я знаю жизнь и искусство все-таки по книгам. Каждый раз ловлю себя на подозрительной и недоверчивой мысли и тороплюсь искать несуществующий град Китеж. Только усилием оставляешь себя на месте, и простое становится сложным и более богатым, хотя и грубым.

С искусством проще свыкаешься, и оно раскрывается быстрее. Вероятно, потому, что молчит и не делает тех «случайностей», которые

при непродолжительном знакомстве с людьми воздвигают стенку отчуждения. А в поездке так мало времени.

4 ИЮНЯ 1957

Снова, как и вчера, за окном автобуса разматывается пыльная лента ухабистого шоссе. В тесноте машины, дребезжащей оконными стеклами, вперемежку — люди и чемоданы. На ухабах они меняются местами. Не особенно приятно, когда стукнешься головой о потолок, но пока — весело и радостно. [За окном] пробегают вырубки, на которых возвышаются одинокие сосны, и ветер ерошит низкорослые березки, ржаво-красные болота, голубые поляны, поросшие ягелем. Кажется, что земля Калевалы поседела <...> По небу, плоскому, как безбрежная гладь громадного озера, медленно проплывают холодные льдинки облаков. Но поэзия наблюдений сменяется, как и в жизни, прозой организма человека. Мы едем по вихляющей дороге уже несколько часов в тесной машине. В распаренном воздухе висит маслянистый удушающий запах бензина. Постепенно красота меркнет, к горлу подступает тошнота. Крепишься, от этого пробивает пот, и начинаешь сомневаться в полезности автомашины и гениальности человеческого ума.

Только выйдя на остановке и хлебнув свежего воздуха, [ощущаешь, что] вынужденный скепсис прекращает свое развитие.

Едем дальше, в вагоне становится свободнее. Можно пересесть на передние места, где не так трясет, и мысли не встряхиваются и текут ровнее. В ночи проплывает всё тот же пейзаж, ясный и не менее отчетливый, чем днем, но затихший и успокоившийся.

Солнце, кажется, только на минуточку спряталось за горизонтом и подглядывает, как ведет себя ночная природа. Замерший на секунду лес оглашается вдруг однажды тренькающим голосом какой-то птички. Заговорил легкий предутренний ветерок, перебирая дрожащие листья осин.

Все это уже скорее чувствуешь, чем видишь. В дремотном состоянии только ежишься от сырого воздуха, который набирается в рукава, за ши-

ворот. Поднимающееся ослепительное солнце совсем смежает веки... Просыпаемся от толчка. Приехали. Так началась наша эксп[едиция].

* * *

Широкое белесое сияющее небо над тобой — редкий солнечный день в Карелии. Мир становится идеальным, то есть незнакомым, когда лежишь на спине у обочины дороги, остыв от очередных столкновений с шоферами, которые не хотят подвезти, или после очередного разговоривания. Столб едкой, забивающей все отверстия пыли, а [желанная попутная] машина вдруг сворачивает на боковую дорогу, так долгожданный оазис превращается в мираж.

* * *

На Севере солнце летом в белые ночи — как будто маленький ребенок играет в прятки: спрячется наполовину за горизонтом и оттуда озорно выглядывает.

[БЕЗ ДАТЫ]

Пришлось заночевать в какой-то старой лесной избушке. Подперев палкой дверь и кое-как отбившись от комаров, я всё-таки заснул, сбитый с ног усталостью после бестолковых блужданий по болоту в поисках дороги. Я вышел из

избушки. Было серое утро, а может быть, уже день. Серое плоское небо, дымчатая зелень деревьев, на верхушках которых застряла мутная полоса сырого тумана. В круглом, как немигающий глаз, лесном озере или, как здесь называют, «ламбушке», отображался перевернутый мир — такой же точно, и даже, казалось, ещё реальнее. Ни всплеска рыбы, ни голоса птиц. Молчание. Было жалко тревожить всплеском воды заснувшее царство. Станным казалось присутствие постороннего человека в этом отрезанном от всего света мире. Поэзия!.. Но нужно было искать дорогу из этой сказки, так не вовремя рассказанной. Вероятно, всегда бывает так «...» Вечеру я все же выбрался на дорогу, если назвать её брошенные кое-как в болота брёвна. Но то молчание стоит у меня в глазах. Опять становится непонятно грустно. В этой сказке и была та Карелия, в которой я навсегда «заблудился»... Я теперь понимаю сказку. Это жизнь, которую видишь вдруг неожиданно.

¹ Изабелла Владимировна Гинзбург (1902—1975).

² Большая Советская энциклопедия.

³ Принятое сокращение латинской пометки *Nota bene!* (смотри хорошо) те фрагменты текста, на которые следует обратить внимание.

⁴ Виктор Иннокентьевич — ироническое обращение к себе по имени и отчеству.

Мария Викторовна ПЛОТНИКОВА

50 лет проработала в Русском музее.

Старший научный сотрудник отдела народного искусства, член Союза художников РФ.

Автор статей о народном искусстве,

о деятельности В.И. Плотникова в сборниках:

«Рябининские чтения», Петрозаводск. 2019; «Муратовские чтения», Новосибирск. 2014; журнале «Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока».

Автор аннотаций к выставкам В.И. Плотникова

в музее-квартире А. Блока, Музее истории

С.-Петербурга, 2024 г.; в Музее изобразительных

искусств Республики Карелия, 2025 г.

